

СЛОВО И ДЕЛО: ЯЗЫК В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

УДК 32.019.5
304. 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

В. Э. Согомонян¹

¹ Институт философии, социологии и права НАН Армении
375010, Армения, Ереван, ул. Арами, 44
Поступила в редакцию 08.11.2017 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5

Предпринята попытка выявить основные причины и проанализировать генезис трансформаций политического дискурса, а также продемонстрировать компаративную картину различий между предшествующим и современным политическим дискурсом. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся его онтологии, и сущностные характеристики; обозначены «исходные позиции» ПД до того момента, когда этот дискурс начал подвергаться трансформациям в силу изменившихся условий; обозначены основные проблемы общественно-политической коммуникации в современном обществе и связанные с ними общественные явления. Рассматривая усиление популизма как результат таких проблем, автор приходит к выводу, что в основе их генезиса лежат трансформации коммуникативного взаимодействия, вызванные развитием новых информационных технологий. В частности, акцентируются аспекты разрушения обособленности публичного пространства как сферы легитимного продуцирования политического дискурса, а также наблюдаемый в современном обществе «конфликт интерпретаций» маркеров и символов «языка» политики. Для выявления произошедших метаморфоз и понимания их генезиса анализируются особенности когнитивного механизма ПД и его трансформации, демонстрируется оформление изоморфизма семиотических систем политики/власти и массовой культуры, в результате чего семантическое пространство ПД заполняется референтами массовой культуры.

Ключевые слова: политический дискурс, политический язык, популизм, трансформация публичной коммуникации, смыслообразование в политическом дискурсе, элементарные смыслы политики, «стихийное информирование», «культура *highlights*».

¹ Работа выполнена при поддержке Государственного комитета по науке МОН РА в рамках совместного с РГНФ армяно-российского научного проекта 15-РГ 24 «Семиотика политического дискурса: трансдисциплинарный подход».

© Согомонян В. Э., 2018

1

Фиксирование значительных изменений, произошедших в политическом дискурсе (ПД)² постиндустриального общества за последнее десятилетие (2007–2017), сегодня практически является общим местом научных исследований в различных смежных обществоведческих дисциплинах — в политологии, социологии, политической лингвистике и социальной психологии. Многие авторы наблюдают и описывают существенные и в значительной степени идентичные по сути (вне зависимости от страны — от Западной Европы до Латинской Америки) изменения концепций³ участия в политическом дискурсе его основных акторов, указывают на очевидные проблемы взаимодействия в политической коммуникации между политиками и избирателями. В частности, подчеркивается критический рост склонности граждан к позитивному восприятию очевидного популизма (подчас в самых крайних его проявлениях [21]), отсутствие адекватного ответа на существенные политические характеристики и качества действующих или потенциальных лидеров. Отмечается также возрастающая предпочтительность электоратом либо внесистемных, либо — как с иронией называли журналисты и политологи одного из недавно избранных в Западной Европе президентов — синтетических лидеров. Действительно, принятая и понятная до недавнего времени классическая концепция (концепции) продуцирования эффективного, априорно рассчитанного на определенную (хочется сказать — традиционно-конвенциональную) оценку избирателей, в каком-то смысле профессионального ПД, с одной стороны, и система измерения общественного мнения — с другой, стала давать в современных обществах серьезные сбои. Самым значительным из них можно считать историю с фиаско Хиллари Клинтон в контексте безусловной (почти непрерывно фиксируемой различными авторитетными организациями на всем протяжении избирательной кампании 2016 года) социологической победы над Дональдом Трампом. При этом, как известно, данная «американская трагедия» стала лишь вершинным моментом, венцом десятилетия политических сюрпризов. Упомянутые метаморфозы и происходящие вследствие этого исторические события еще задолго до последних президентских выборов в США успели сотрясти основы традиционных политических систем разных стран. Это и так называемый *Brexit*, и победа «безгалстучного популиста» Алексиса Ципраса в Греции, и успех партии «Пять звезд» комика

² Во избежание разночтений и перманентных оговорок по ходу изложения материала отметим, что наше понимание ПД имеет в своей основе определение термина «дискурс», данное С. Золяном, согласно которому дискурс — это комплексный объект, представляющий собой взаимопроекцию правил языка и поведения, социального взаимодействия [17, с. 50]. Соответственно политический дискурс есть взаимопроекция конвенциональных для социума правил политического языка, «политического поведения» и социально-политического взаимодействия.

³ Под термином «концепция» здесь понимается совокупность форм и моделей участия в политическом дискурсе.

Джузеппе Грилло в Италии [27, с. 291], испанской партии «Подемос» («Мы можем») и ее тридцатисемилетнего лидера писателя и телеведущего Пабло Турриона, и т. д.

В этом контексте примечательны практически все европейские электоральные процессы 2017 года: парламентские выборы в Нидерландах (15 марта), президентские выборы во Франции (в два тура, 23 апреля и 7 мая), выборы в германский Бундестаг (24 сентября), парламентские выборы в Австрии (15 октября), парламентские выборы в Чехии (21 октября). Как известно, по результатам всех этих выборов был зарегистрирован ряд политических рекордов и сюрпризов [7; 14; 19; 33].

Существует множество предположений и гипотез относительно того, в чем причина происходящего; расширяющаяся география и масштаб возникших проблем естественным образом стали перемещать их в центр внимания как политиков, так и ведущих политологов и социологов разных стран. Многие авторы (например, Ал. Громько [11], В. Ачкасов [4], Н. Баранов [5], Д. Зегерт [15], К. Вейланд [46], С. Левитски и Дж. Локстон [43], О. Варенцова [8] и др.) видят в основе генезиса наблюдаемых процессов следующее: коллапс партийной системы, имеющий место в некоторых странах; кризис госуправления, присущий переходным периодам отдельных государств; экономические проблемы; неудовлетворительные результаты интеграционных процессов (в частности — евроинтеграции); недовольство глобализационными процессами, которые усиливают националистические настроения и создают благоприятные условия для развертывания популистскими лидерами псевдоборьбы за независимость и суверенитет своих стран; неоднозначные результаты многолетних реформ, плоды которых оказались «сладкими» лишь для части населения развивающихся стран, и т. д.

Еще одна гипотеза выдвинута в шестом по счету аналитическом докладе Национального разведывательного совета (НРС) США «Глобальные тенденции: парадокс прогресса» (*Global Trends: The Paradox of Progress*) [40], который готовился широким кругом специалистов различных профессий на протяжении четырех лет (2012–2016) и представляет тенденции мирового развития на ближайшие годы. Авторы доклада заявляют о том, что сегодня мы являемся свидетелями парадокса: *достижения научно-технического и информационного прогресса формируют во многом более опасный мир* (здесь и далее выделено мной. — В. С.) и в то же время открывают гораздо больше возможностей для его развития. Специалисты НРС подчеркивают, что, с одной стороны, наблюдается процесс объединения различных групп людей, расширение их прав и возможностей, повышение уровня жизни. Однако этот же прогресс вызывает такие потрясения, как мировой финансовый кризис 2008 года, «Арабская весна», *глобальный рост популистской, антиинституциональной политики*. Эти потрясения демонстрируют всю хрупкость достижений прогресса и в то же время подчеркивают необходимость глубоких изменений в картине мира, что предсказывает нам туманное и непростое будущее. Кроме того, по мнению экспертов НРС, хотя «материальная сила» и сохранит свое важное значение в решении вопро-

сов на геополитическом и государственном уровнях, наиболее влиятельные акторы в целях как конкурентной борьбы, так и кооперации будут делать акцент на сетевую и информационную сферу, так же как и на область общественных отношений [40].

Имеющее место в данном докладе акцентирование информационно-коммуникативных аспектов в объяснении наблюдаемых перемен в политической жизни современных обществ в целом и в ПД в частности видится нам совершенно оправданным. Ведь, по сути, значительная часть тех беспрецедентных изменений, которые вошли в нашу жизнь вместе с научно-технической революцией начала XXI века⁴, в первую очередь коснулась именно сферы публичного взаимодействия — межличностной и публичной коммуникации, — что уже само по себе становится поводом для предположений относительно причин названных выше изменений в ПД развитых обществ. Очевидно, что драматические перемены в общественной коммуникации привели к изменениям в человеческой и социальной психологии, сравнимым с теми, которые произошли в результате изобретения книгопечатания [26, с. 207]. Как отмечает главный редактор российского журнала «Власть» А. Лапшин, «социокультурная образующая цивилизации оказалась неспособной адаптировать современного человека к прессу компьютерно-сетевых отношений» [22, с. 16]. Именно поэтому, наряду с исследованиями экономического и институционально-политологического характера, одним из наиболее перспективных направлений в выявлении генезиса обозначенных проблем, на наш взгляд, может быть комплексное трансдисциплинарное изучение политического дискурса до-современного и современного (с 2007 года) постиндустриального общества. При этом внимание необходимо сконцентрировать на произошедших в результате наступления определенных условий **трансформациях символического универсума ПД** как «матрицы всех социально объективированных и субъективно реальных значений» [6, с. 66] политики. Целесообразным будет параллельное исследование **трансформаций публичного пространства**, в котором (в силу хранимых им определенных «условий мира») смыслы данной матрицы обретают конвенциональное для участников политической коммуникации значение и которое является легитимным и единственно возможным пространством для символического обмена в рамках ПД.

2

Чтобы выявить основные причины и проанализировать генезис трансформаций политического дискурса, а также наиболее полно продемонстрировать компаративную картину различий между предшествующим и нынешним ПД, на наш взгляд, следует в первую очередь обратиться к вопросам, касающимся его онтологии, и представить некоторые существенные характеристики политического дискурса, имевшиеся до настоящего времени, обозначить «исходные позиции» ПД до

⁴ Ее называют также «четвертой информационной революцией».

того момента, когда этот дискурс начал подвергаться трансформациям в силу изменившихся условий. Конкретнее: следует описать механизмы продуцирования ПД; выделить некоторые особенности «политического языка» как основного инструмента продуцирования ПД, а также представить систему смыслов ПД, некоторые аспекты конвенциональности этих смыслов и структурированные в социуме механизмы их экстерииоризации и оценки. Такая методика исследования видится нам наиболее эвристичной в плане решения затрагиваемых научных задач. Ведь под современной эпохой мы, как понятно из вышесказанного, имеем в виду не очередной этап эволюционного развития общества, а переживаемый сегодня период так называемого *исторического разрыва*, который отделяет как современные социальные институты от традиционных социальных порядков в целом [9, с. 117], так и ряд современных политических практик от релевантных до недавнего времени традиций осуществления политической деятельности в частности. Наличие такого разрыва в политической жизни сегодняшнего общества и в ПД очевидно. Например, практика непосредственного, информативного по характеру и неритуального, при этом самостоятельно организованного ежедневного общения политического или государственного лидера с гражданами (отметим хотя бы те же периодические записи президента Трампа в своем личном аккаунте в *Твиттере*), по ряду признаков не имеет аналогов в прошлом и, в силу некоторых характеристик, значительно девальвирует традиционные ритуалы и существующие практики подобного общения. Похожих примеров множество: формы и виды современной политической коммуникации со временем все меньше и меньше соотносятся с палитрой средств публичности традиционной политики. С учетом этих реалий видится необходимым создание нужного компаративного контекста, базиса для представления трансформаций и процесса метаморфоз традиционного ПД; в противном случае, по нашему мнению, истинная природа произошедших изменений останется неясной.

В первую очередь обратимся к двум аспектам «политического языка» (речь идет и о естественном языке, используемом в той или иной политической модальности, и о символическом универсуме политики в целом, включающем в себя несколько «языков» [18, с. 12], например «язык тела» — публичное аутодафе, сидячая забастовка и т.д.; «язык жестов» — поднятые вверх указательный и средний пальцы, образующие латинскую букву V, поднятый кулак, вскинутая ладонь, рука, прижатая к сердцу, и т.д.; «язык локуса» — дворцовый балкон, с которого обычно выступает правитель, зал заседаний парламента, площадь, где, как правило, проходят массовые митинги, некий адрес, по которому расположена чья-то резиденция, и т.д. Во-первых, определим, что ПД в силу ряда функциональных характеристик обладает статусом институционального/профессионального дискурса. Знаки «политических языков», способы «говорения» с их использованием, как и те или иные сочетания знаков (от простых жестов и лозунгов до сложных текстов или дискурсивных фреймов), которые осмысливаются и становятся

ся «культурными самоочевидностями» (Хабермас) в разного рода политически маркированных ситуациях, понимаются индивидами в достаточной для обеспечения успешной коммуникации мере и являются для них социальными *данностями* [44, с. 8], посредством которых в обществе перманентно осуществляется политическая коммуникация.

В то же время следует проводить разграничение между знанием системы этого языка и умением *понимать* его в полной мере и (тем более) *использовать* его в тех или иных политических целях; продуцирование ПД и участие в нем стратифицировано в силу многоуровневости этого дискурса, в котором каждый следующий уровень предполагает более подготовленное и профессиональное участие. Определить наступление коммуникативной «ситуации политики», как и маршировать на митинге, умеют многие; другое дело, если индивид хочет правильно интерпретировать некую политическую ситуацию, выявить ее истинный смысл и предугадать последствия или принимает решение стать субъектом политики и намечает для себя достижение неких политических целей. Понятно, что в этих случаях приходится задействовать универсум «языка политики» в полном объеме, что требует намного большего, чем просто владение политическим «алфавитом»; это уже сфера деятельности профессиональных политологов и политиков. Если провести аналогию между универсумом смыслов ПД и филморовской «библиотекой фреймов», то в данном случае речь идет о том, в какой мере индивид и профессиональный политик/политолог владеют «пакетами знаний, дающих описание типовых объектов и событий» [13, с. 190]. Уже в силу такой взаимосвязанности степеней политической активности с уровнями сложности понимаемого и используемого «политического языка» символический универсум ПД можно отнести к разряду профессиональных языков/символических систем — наподобие латыни в медицине или метаязыка программирования. Генезис такого статуса, помимо ряда исторических причин, очевидно находится в сложности интерпретации ПД в плане корреляции с его референтами в объективной действительности.

Во-вторых, подчеркнем институциональную, конституирующую роль «языка локуса» в ПД. По сути, объекты-знаки политического локуса обнаруживаются индивидами как данности в качестве «институциональных местоположений» (Фуко), которые являются *легитимными пространствами продуцирования* ПД. Совершенный вне этих местоположений политический акт может расцениваться обществом (оговоримся — мог расцениваться до-современным обществом) в качестве нелегитимного или, по крайней мере, неудачного; и наоборот: актуализация таких пространств в ПД в ряде случаев не просто легитимизирует тот или иной акт политики либо акт политической коммуникации, но и обеспечивает удачные условия для реализации политических и властных перформативов. Можно с уверенностью утверждать, что именно трансформации политического локуса, разрушение его обособленности в публичном пространстве и слияние с ним, девальвация его значения в

плане источника *origine legitime* политики и легитимного публичного пространства для продуцирования ПД привели к революционным трансформациям этого дискурса.

Отметим наличие еще одной сущностной характеристики ПД, которая остается константной, несмотря на все «разрывы» современности, и играет значительную роль в эвалюации членами социума феномена ПД и политической деятельности как таковой; мы упомянули о ней только что. Это априорно объективируемые и периодически подтверждаемые социально-политическими практиками воображаемые представления о *характере политики* в плане сомнительной отнесенности (или не-отнесенности вообще) к объективной действительности ее речевых актов и иных актов политической коммуникации, проще говоря — о ее лживости. Сомнения по поводу истинности любых намерений политиков, декларируемых ими, стали постоянными спутниками любого политического дискурса в любом обществе по той понятной причине, что референциональная пустота ПД является неизменным и общеизвестным «логическим атрибутом» (Делез) политического языка, сущностным свойством политики.

С. Золян отмечает:

В отличие от обычного референтного высказывания, критерием (политического высказывания. — В.С.) оказывается не истинность/ложность высказывания, а его успешность... Истинностная оценка высказывания оказывается либо невозможной... либо нерелевантной... Это — Речь как действие (а не просто описание действия), смыслом и значением этого действия станут не столько смысл и значение сказанных слов, сколько имевшие место последствия сказанного [17, с. 51].

Именно этим обусловлена ограниченность формулировок политического языка, повторяемость фраз в ПД, неоднозначность высказываемых мыслей — в точном подобии со знаменитым оруэлловским *doublespeak*; ведь, по сути, один из самых важных моментов в «профессиональной» политической риторике — по возможности не создавать отсылку к абсолютно точному референту, при этом сохранить иллокутивную силу речи и добиться конкретных перлокутивных результатов. В работе «О популистском разуме» Э. Лакло, рассматривая механизм популизма как способ понимания онтологического строения политической сферы в целом, в качестве одной из ключевых категорий для анализа популизма указывает так называемое «плавающее означающее», которое появляется по причине необходимости назвать объект, который одновременно невозможен и необходим [41, с. 72]. Лакло также указывает и на константную, онтологическую тропологичность ПД:

Если репрезентация чего-то нерепрезентируемого является собственно условием репрезентации как таковой, это означает, что (искаженная) репрезентация этого условия включает в себя *субституцию* (курсив автора. — В.С.), являясь, таким образом, тропологической по своей природе [42, с. 158].

У. Эко пишет об этом:

Существует искусственный семиозис вербального языка, который либо показывает себя недостаточным для того, чтобы отдавать отчет о реальности, либо хитроумно используется для того, чтобы замаскировать ее, практически всегда в политических целях [39, с. 466].

Определение постоянно актуальной коммуникационной дилеммы *истина-ложь* в ПД изначально не выступает предметом опыта, а познается контекстуально (объективируется как логический атрибут политики) и актуализуется сразу же, как только актуализуется ПД; эта дилемма как бы обрамляет данный дискурс и является его эксплицитной и конвенционально принятой сущностной характеристикой. При процессировании политического дискурса ответы на вопросы по поводу истинности/ложности в силу объективных причин становятся отложенными во времени, и в силу этого аспекта внимание адресатов к продуцируемым в ПД смыслам ослаблено и более направлено на внеязыковые (паралингвистические) атрибуты дискурса, которые могут создавать определенные ожидания в плане отнесенности к действительности референтов отдельных актов ПД. Кроме того, ПД, благодаря ряду правил политического языка/речи (яркий пример — «плавающее означающее» Лакло) имеет внутреннюю саморазрушающую силу — этот дискурс в подавляющем большинстве случаев устремлен к презентированию в качестве *не-того-дискурса*; он часто маскируется под другой, не-политический дискурс.

Скажем несколько слов и об аспектах смыслообразования в ПД. Здесь особого внимания заслуживает аспект соотносительности «мира» политики с феноменом *конечной области значений*⁵ — то есть со сферой коммуникативно-символической социальной деятельности, находящейся вне окружающей «высшей реальности» и являющейся анклавом иной действительности, отмеченным характерными для него значениями и специфическими способами восприятия [6, с. 20].

П. Бергер и Т. Лукман пишут:

Блестящая иллюстрация (феномена конечной области значения. — В.С.) — театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устрой-

⁵ Интересен целостный отрывок из произведения А. Шюца, впервые представившего это понятие: «Именно значение наших переживаний, а не онтологическая структура объектов, конституирует реальность. Каждая область значения — верховный мир реальных объектов и событий, в который мы можем встраиваться своими действиями, мир воображений и фантазмов, как, например, игровой мир ребенка, мир сумасшедшего, а также мир искусства, мир сновидений, мир научного созерцания, — обладает своим особым когнитивным стилем. И именно этот особый стиль, характеризующий некоторую совокупность наших переживаний, конституирует их как конечную область значения» [38, с. 510].

ством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений [6, с. 20].

Соотнесенность этого феномена с ПД и политической деятельностью в целом кажется очевидной: «занавесом», начинающим актуализацию политически маркированной ситуации в публичном дискурсе, может быть, например, некий конвенциональный «стартовый» элемент политической риторики, обычно используемый субъектами дискурса (*My fellow americans*, *Братья и сестры*, *Дорогие сограждане* и т.п.). На политической «сцене» на протяжении конкретного временного отрезка может происходить некое действие, тем или иным образом в своих конституирующих элементах подпадающее под конвенциональные для социума категории «разрешенных» или легитимных действий для разворачивания политического «спектакля» (выступления, дебаты, безмолвные акты с использованием «языка тела» и др.). Политически активные граждане («присутствующая публика») могут принимать участие в этом действе через выражение одобрения/порицания. Наконец, вместе с окончанием «спектакля» «публика» перестанет быть таковой (сочувствующими, партийными активистами, избирателями, митингующими и т.д.) и вернется в категорию высшей реальности — в категорию граждан-обывателей, более или менее смыслящих в политике и пассивно «переживающих навязываемые трансценденции Природы и Общества» [38, с. 501]. Понятно, что ряд таких аналогий можно продолжать очень долго (например — отдавая дань моде — сравнить политический процесс с телесериалом), что лишь подтверждает высказанное выше предположение об указанном характере «мира политики». Так, конечные области значений, согласно определениям А. Шюца, характеризуются особой напряженностью сознания (более или менее постоянным процессом потребления индивидом политически значимой информации на политически значимом временном отрезке), особой временной перспективой (политический кризис, предвыборный этап, поствыборный этап), особой формой самопереживания индивида (я — гражданин, я — патриот, я — демократ) и, наконец, специфической формой социальности (участие во временных конъюнктурных группах поддержки и др.) [38, с. 510].

Если «мир» политики, имеющий «рамку потенциальностей» и ограниченный «диапазон всех возможностей» деятельности в этом «мире» [38, с. 501], есть конечная область значений, то политический дискурс, как единственный инструмент «творения» этого «мира», соответственно, «способен» (или «имеет право») продуцировать лишь те смыслы, которые не выходят (не должны выходить) за некие конвенциональные рамки. Иными словами, в политике не должно совершаться некое действие, смысл которого выходит за рамки признанного обществом универсума политических смыслов; точно так же, как и на сцене театра не

должно происходить нечто, что не присуще театральному искусству. Контроль за таким порядком по умолчанию устанавливает само общество посредством различных социальных институтов, этических норм и законодательных механизмов. М. Фуко отмечает по этому поводу:

Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события [36, с. 21].

В свою очередь Х. Арендт отмечает:

Общество на всех стадиях своего развития... исключает действие в виде свободного поступка. Его место занимает поведение, которое в различных по обстоятельствам формах общества ожидается от всех его членов и для которого оно предписывает бесчисленные правила, все сводящиеся к тому, чтобы социально нормировать индивидов, сделать их социальными и воспрепятствовать спонтанному действию [3, с. 55].

Здесь перед нами вырисовывается известный комплекс рестрикций, запретных установлений общества, призванных сохранить конечную область значений ПД в конвенциональном виде и социальный институт политики, скажем так, в надлежащем и приемлемом (закрепленном в социальной воображаемости данного социума) состоянии. Это, например, задействие всякого рода цензов, только при строгом соответствии которым индивид получает доступ к конвенциональным локусам политики и возможность легитимного продуцирования ПД: возрастной ценз, образовательный ценз, ценз оседлости, гражданства, ценз так называемой «карьерной (партийной, номенклатурной) проходимости» и др. Здесь важно отметить, что контроль за «соблюдением жанра», контроль над смыслами ПД имеет два уровня: *контроль по допуску к пространству* — это регулирование права использования легитимного авторитетного пространства-сцены, политического локуса (имеется в виду ряд указанных выше цензов, а также различных процедур инициации); и *контроль над совершением действий и продуцированием смыслов* в уже достигнутом пространстве, по сути — это контроль над политическим языком («художественная цензура»); основными механизмами здесь, безусловно, являются политическая этика и так называемая «политкорректность».

В контексте логики сказанного возникает необходимость сформулировать следующий вопрос: а можно ли вывести некую, хотя бы условно конечную гамму, оформленный и конечный репертуар смыслов политического дискурса? Или (если поднять вопрос до более высокого уровня обобщений): можно ли редуцировать политическую деятельность как таковую к «производству» ограниченного количества политических смыслов и оперированию ими в публичном пространстве?

В силу очевидной действенности ряда вышеперечисленных факторов ответ может быть однозначно утвердительным. Как мы убедились

из предыдущего анализа, репертуар результатов политической деятельности объективно ограничен, известен из *над*-индивидуального опыта и закреплен в социальной воображаемости. Все, что ни делали бы политики, укладывается для акторов — адресантов и адресатов — политического дискурса в рамки уже известных ожиданий и, одновременно, исторических сюжетов. Так, в свете Уотергейта практически любой скандал с участием политиков получает в публичном дискурсе название-заголовок с окончанием *-гейт* и создает определенные ожидания в плане логики развития событий; более того, заверения политиков об их непричастности к конкретным событиям, связанным с нарушением действующих законов, так или иначе рассматриваются преимущественно в контексте истории с президентом Никсоном. Или: любой поствыборный митинговый «марафон» с целью оспаривания подтасованных (в кавычках или без) результатов выборов создает ожидания по всему известному спектру развития событий — от постепенного угасания либо жесткого подавления волнений до «оранжевой революции» с бескровной сменой власти или вооруженного восстания. При этом в любом случае действующие лица автоматически ассоциируются в публичном дискурсе с наиболее известными в данном конкретном плане «персонажами» — Че Гевара, Горбачев, Саакашвили и т. д. В этом контексте интересно вспомнить одно из наблюдений Ю. Лотмана относительно особенностей *линейного времени культурного сознания*:

Лежащие в основе миропорядка «первые» события не переходят в призрачное бытие воспоминаний — они существуют в своей реальности вечно. Каждое новое событие такого рода не есть нечто отдельное от «первого» его протобраза — оно лишь представляет собой обновление и рост этого вечно-го «столбового» события. Каждое убийство братом брата не представляет собой какого-либо нового и отдельного поступка, а является лишь обновлением каинова греха, который сам по себе вечен [23, с. 108].

Фактически мы наблюдаем *этернизацию значений политических событий* (отдельных актов ПД или целостных политических «сюжетов») в восприятии общества. Напомним, явление *этернизации истинностного значения предложений* описывалось В. Куайном для тех случаев, когда то или иное предложение (например: «Дверь его комнаты была открыта всю ночь») релятивировалось с его контекстом и становилось «вечным» — условия его истинности, «поглотившие» его контекст, становились контекстно-независимыми. В этих случаях, согласно В. Куайну, позицию выражает не предложение «Дверь открыта», а *вечное предложение* «Такая-то дверь в такой-то момент открыта» [16, с. 43]. В плане политической деятельности фактически *этернизируется целостное политическое событие вкупе с ситуацией, в которой оно произошло, и результатами, к которым оно привело*. И уже поэтому есть основания полагать, что ПД сводится к некоему ограниченному универсуму смыслов-сюжетов, что любой фрагмент политического дискурса можно свести к одному из известных из социального опыта «вечных» смыслов, а дискурс как таковой — к «жонглированию» этими смыслами в публичной сфере. Не случайно комментирование, интерпретация политических

событий (редуцирование их «частных смыслов» к некоему глобальному политическому смыслу или известному сюжету) при помощи инструментов политологической герменевтики стало одной из самых распространенных политических и политологических практик и основной функцией так называемой «объяснительной политологии» — самого популярного жанра в новостных средствах массовой информации.

Кроме того, на поставленные вопросы позволяет ответить утвердительно и структура семантики естественного языка (понятно, что этот аспект акцентируется нами с учетом преимущественно языкового характера ПД).

Ю. Апресян отмечает:

Говоря о разных способах выражения одной и той же мысли, или о семантическом тождестве внешне различных высказываний, мы имеем в виду, что существует некий, не данный нам в прямом наблюдении семантический язык, или «язык мысли». Если допустить существование такого языка, то производство осмысленного предложения можно представить как перевод с семантического языка на естественный, а понимание предложения — как перевод с естественного языка на семантический. Значение слова в общем случае не является элементарной семантической единицей; оно делимо на более элементарные смыслы. Небольшое число элементарных смыслов дает большое число возможных комбинаций [1, с. 253].

На наш взгляд, именно из элементарных смыслов политического дискурса состоит инструментарий ПД. При этом каждый из данных элементарных смыслов политики в процессе дискурсивного «развертывания» становится одной из парадигм продуцирования ПД в пределах возможностей экстерииоризации политики в публичном пространстве. Так, элементарные смыслы *быть, мочь, долженствовать, уметь и желать*, использующиеся в качестве ансамбля (эксплицитно или имплицитно, в прямых или коннотативных значениях), являются основами внутриполитического дискурса, как минимум — при регулировании властных отношений: *Эта власть не может управлять страной; В стране фактическое безвластие; Президент здоров, и у него сильное рукопожатие; В это сложное время никто не смог бы управлять страной лучше нас; Мы сможем вывести страну из кризиса; Это тот лидер, который нужен нам сейчас; Сегодняшняя власть нелегитимна; Он не сумел уберечь страну от потрясений; Власть не желает работать во благо народа; Власти должны решить этот вопрос; Мы не хотим, чтобы он сидел в президентском кресле и т.д.* В то же время складывающиеся из различных комбинаций этих смыслов «молекулы» значений, как видим, во множестве случаев становятся креаторами конкретной политической позиции в зависимости от того, используются они теми или иными акторами в положительных либо отрицательных значениях.

В данном контексте интересно также заметить, что транслируемые участниками ПД смыслы (практически в любых актах, которые можно продуцировать в границах этого дискурса, в том числе — неязыковых) по выполняемым ими функциям в дискурсе совпадают с четырьмя типами отношений, участвующими в логико-синтаксической организа-

ции нарративного предложения [2, с. 357]: это *экзистенция* (утверждение/демонстрирование существования), *номинация* (называние/именование и/или эвалюация посредством называния), *идентификация* (утверждение тождества; дифференциация; обособление или включение) и *предикация* (характеризация). В ПД подтверждениями *экзистенции* актора-субъекта (например, носителя власти) являются различного рода ритуалы (с озвучиваемыми в процессе текстами или без): посещение памятных мест, присутствие на массовых парадах и шествиях, публичных мероприятиях и т.д. Заявления на данную тему, как понятно, затрагивают вопрос существования, «присутствия» власти в стране в плане ее дееспособности (*Такое ощущение, как будто у нас в стране нет ни президента, ни правительства; Президент прервал отпуск и вернулся в столицу*). Актами *номинации* и *одновременной эвалюации* можно назвать, например, использование собственных имен в их так называемой *событийной* или *исторической интерпретации* (*Товарищ Сталин – это Александр Невский наших дней*). *Страна начала разваливаться именно при Горбачеве; Именно благодаря его усилиям сегодня мы не находимся в состоянии войны, а занимаемся мирным строительством* – вот примеры отношения *идентификации*. Здесь важно отметить, что *идентификация* в актах ПД может иметь различный характер в зависимости от поставленной перед отправителем сообщения цели. Это может быть либо прямое утверждение самотождества (*Я, как истинный патриот своей страны*), либо разнонаправленная индивидуализация: отмежевание от некоей социальной/политической группы (*Я не люблю коммунистов, но я и не маккартист*), обособление среди «других» (*Только он понимал ошибочность выбранного пути*), указание на принадлежность к некоей социальной или политической группе (*Я был одним из первых, кто записался добровольцем и ушел на фронт; Будучи парнем из простой рабочей семьи, он сумел выбиться в люди*) и т.д. Наконец, *характеризацией* является любое очередное действие актора ПД или символическое представление данного действия в политическом дискурсе; по сути, это вся остальная деятельность актора ПД вне вышеперечисленных трех отношений. «Отношения характеризации, – отмечает Н.Д. Арутюнова, – семантически многообразны и допускают бесконечное количество реализаций» [2, с. 367]. При этом те или иные действия актора ПД, обобщаясь в диахронии, могут влиять на его существующую номинацию, порождать для него иные эвалюации, как и менять характеристики его *идентификации*.

3

Говоря об изменившихся правилах взаимодействия в публичном пространстве, мы имеем в виду перемены, произошедшие за последнее десятилетие в самой публичной сфере развитых обществ, которая выступает основным пространством осуществления политической деятельности. Эти перемены, по сути, в первую очередь касаются скорости, качества/количества и унификации символического обмена в публичной сфере, которая сегодня лишь отчасти принадлежит какому-либо отдельно взятому обществу – это во многом публичная сфера

глобализированного мира (отсюда и возникла потребность унификации, некоего приспособления знаковых систем к наиболее общим коммуникативным конвенциям разных обществ). Понятно, что тотальное распространение Интернета и смартфонов, подключенных к социальным сетям, с возможностью получения/транслирования видео/телевизионного сигнала в любой момент и в любом месте, как и получение push-up сообщений от информационных медиа (можно называть это явление стихийным информированием), в разы повысили значение коммуникативного аспекта в жизни социума, придав этому аспекту принципиально новые характеристики и наделив его особой важностью. Если ранее сфера публичной коммуникации была параллельным реальному «лучшим» миром, локусом для *origine legitime* публичного дискурса, для попадания в который индивиду нужно было получить основанный на общепризнанном авторитете (политическом, культурном, научном и др.) или личностных достижениях особый доступ (при этом в случае утраты оснований доступа публичная среда выталкивала, как бы низводила индивида в непубличную среду), то сегодня публичная коммуникация — это естественная среда жизни развитого общества, не отделенная границей в буквальном и переносном смысле этого слова от повседневного «жизненного мира». Инструментарий (язык и иные знаковые системы), как и навыки вхождения в опосредованную Сеть межличностную и полностью открытую общественную коммуникацию, из области факультативных знаний перешли в область обязательных (с точки зрения социализации индивида). Кроме того, — и это особенно важно в контексте интересующих нас вопросов, — деятельность в публичной сфере более не является результатом привилегированного доступа, а есть один из естественных видов повседневной деятельности индивида, живущего в современном обществе. В наши дни феномен *социального измерения* как критерий детерминирования социальных и общественных действий человека практически утратил свою функциональность: действия членов сегодняшних развитых обществ в той или иной мере, тем или иным образом, но все же предполагают некую интеракцию и/или становятся следствием некой интеракции. Так, например, феномен фотографии из инструмента памяти трансформировался в инструмент коммуникации, и сам акт фотографирования сегодня направлен на предстоящее демонстрирование результатов *Другим* по различным каналам коммуникации. При этом различные модусы фотографирования в подавляющем большинстве случаев представляют собой результат предыдущих известных в публичной сфере интеракций посредством фотографии и учитывают аспекты их успеха (трендовости, «хайповости», модности и др.).

Все это в наиболее полной мере и, может быть, в первую очередь повлияло на политику: традиционные акторы ПД, обладающие привилегированным доступом и своеобразным правом наделять таким доступом новых «заслуженных» акторов, потеряли свою эксклюзивность, а публичная сфера утратила сакральность. Вследствие этого значение коммуникативных аспектов в осуществлении политической деятельности в обществе изменилось самым значительным образом, что оказало

столь же значительное воздействие на характер феномена политики как таковой. Всего один пример: в современном развитом обществе политический процесс стал почти полностью совпадать со своей экстерииоризацией. Политического процесса вне публичного дискурса сегодня практически не существует — «частность» политики (в терминах ван Дейка — «кабинетные встречи» [12, с. 31]) все больше и все чаще становится достоянием публичного. Если в предыдущую эпоху политический процесс в рамках общепризнанной рациональности должен был экстерииоризироваться в привилегированных моментах, и такой *modus operandi* был одним из важных конституирующих элементов его морфологии, прерогативой аполитетов политики, то сегодня не существует не только такого модуса, но и, пожалуй, такой возможности: *какое-угодно-мгновение* политической жизни потенциально экстерииоризируется (нередко вне зависимости от интенции возможного адресанта) и тем самым становится элементом и креатором политического процесса. Достаточно изучить информационную картину политического процесса в любом современном развитом обществе, и мы увидим, каким образом перед нами — в синхронии или диахронии — будет поступательно вырисовываться актуальный политический процесс в чуть ли не в каждом (значимом или нет в политическом смысле) действии каждого из субъектов данного процесса, в целом с достаточной степенью точности отражая его суть. Следует заметить, что при изучении данного процесса мы будем наблюдать разнонаправленное — в плане интенций адресантов — распространение информации: наряду с действиями «постановочного» характера (когда информация изначально направлена на опубликование) в равной или даже большей мере информационную картину будут составлять сообщения, появляющиеся помимо желания (в кавычках или без) политиков.

Нетрудно представить, насколько это обстоятельство меняет один из базовых интерфейсов политики — образ политического лидера. Сегодняшнему политическому лидеру необходимо обладать своего рода синкретическими качествами — политика, шоумена, блогера, селебрити и т. д. (здесь уместно вспомнить описанных Дж. Фрээрером в «Золотой ветви» царей-жрецов, одновременно обладающих практическими навыками руководителя и аморфными способностями служителя культа [34, с. 72]). В то же время шоуменам, селебрити и блогерам открыта дорога в политику благодаря обладанию навыками деятельности в публичной сфере, с одной стороны, и в силу размытости границ между «просто публичной» и политически значимой деятельностью — с другой; ведь экстерииоризация из средства превратилось в одну из возможных целей продуцирования ПД. В современных условиях теневой или не особо жалующий публичность лидер, наделенный сильными управленческими качествами, в зависимости от конкретных политических обстоятельств может быть обречен на поражение в политической борьбе с кандидатом, умеющим в полной мере использовать современные технологии экстерииоризации, — вне зависимости от своих управленческих навыков, опыта и знаний. Кажется, уже в этом контексте засилие популизма в современном ПД и повышенный интерес к нему в электро-

ральной среде вполне может расцениваться как прямое следствие произошедших перемен в системе символического обмена в публичном пространстве.

4

Мы уже писали о том, что в силу ряда вызванных современными процессами изменений в системе общества, и конкретно в ее коммуникативной системе, исторически закрепленная конвенциональность по поводу отдельных знаков «языка» политики оказалась утерянной; однако множество интеракций в рамках ПД, в частности дискурса власти, продолжает в наши дни осуществляться при помощи тех же знаков так, как будто никаких изменений не происходило. Наиболее ощутимым следствием этого стало то, что закладываемые политиками и властью в те или иные акты публичности смыслы стали непонятными для адресатов (либо их интерпретация изменилась самым существенным образом), и фактически ряд актов публичности политики/власти трансформировался в череду коммуникативных несоответствий [32, с. 137]. Так, сообщения о зарубежных визитах главы того или иного государства и политических результатах этих визитов традиционно продолжают транслироваться многими администрациями через СМИ как важные, а порой и ключевые события в политической жизни страны. Но в условиях доступности глобальных транснациональных медиа, которые ежедневно демонстрируют репортажи о двух-трех визитах глав разных государств, данный фрейм публичности рутинизируется, а в контексте неоднозначности политических результатов этих визитов для современных обывателей адресаты сообщения (если не произошло ничего экстраординарного) могут и не уловить сути достигнутого. При этом в контексте слабой с точки зрения событийности (в современном понимании) и значимости темы, а также типичности подобных событий благодаря множеству легкодоступных в любой момент в Интернете популярных исторических материалов зарубежный визит главы государства (сообщения о нем в рамках ПД) в подавляющем большинстве случаев декодируется адресатом не как нечто важное, а лишь как утверждение экзистенции власти и простой факт ее дееспособности, причем лишь в той или иной мере, в зависимости от эмоциональной окраски визита и характера оценок наиболее популярных комментаторов в СМИ и социальных сетях.

Так, сообщения о выступлении политического деятеля перед той или иной аудиторией на конкретную тему с затрагиванием наиболее актуальных вопросов политики прежде было одним из наиболее действенных механизмов экстерииоризации, одним из самых распространенных инструментов осуществления политики в публичной сфере. При желании можно без сомнений назвать этот жанр (или *форму реализации публичности* [31, с. 60]) — устное выступление лидера перед народом — политическим архетипом. При использовании данного жанра его адресанты до сих пор предполагают актуализацию сразу нескольких традиционных интерпретативных аспектов. Во-первых, как пред-

полагается, должен актуализоваться аспект важности происходящего, значимости события, которое синхронизировано как исторический момент со временем и уже в силу такой синхронизации имеет особое значение для адресатов: предполагается, что у них возникнет желание хотя бы опосредованно присоединиться к этому, в некотором смысле сакральному, собранию. Присоединиться еще и по той причине, что собравшаяся аудитория, с одной стороны, есть репрезентация всей аудитории данной страны, ее микромодель, с другой — она все же имеет конкретный количественный состав, предполагающий наличие у каждого из присутствующих неких позитивных качеств, обеспечивающих доступ к участию в событии. И хотя бы опосредованное (медийное) присоединение к этой аудитории (вплоть до подражания ей — аплодирования, одобрения жестами и т.п.) должно быть естественным желанием политически активного индивида. Во-вторых, предполагается, что в условиях подобного вовлечения и сосредоточения адресанты будут интерпретировать транслируемые в выступлении смыслы (и их автора) в нужном адресанту позитивном ключе, фиксируя при этом ряд личностных преимуществ выступающего: ораторское мастерство, непосредственность, стиль одежды, умение общаться с людьми и др. В результате, как ожидается, должна возникнуть ситуация, в которой адресат этого акта публичности должен соответствующим образом, то есть позитивно, оценить адресанта вкуче с транслируемыми им смыслами и принять (начать принимать) соответствующие электоральные решения.

Однако сегодня выступление политика перед аудиторией как традиционный акт взаимодействия в рамках ПД имеет абсолютно иную оценочную базу и, соответственно, интерпретируется и понимается его «потребителями» совершенно иначе. Во-первых, синхронический аспект события более не имеет никакого значения — выступление можно будет посмотреть в любой день и в любой удобный момент времени в Интернете. Ситуация с моделированием эффекта присутствия при историческом событии, таким образом, теряет свою эффективность. Кроме того, в условиях новой культуры потребления информации — назовем ее *культурой highlights* — просмотр всего материала может быть для очень значительной части аудитории пустой тратой времени: всего через несколько минут в Сети появятся тезисы выступления с наиболее интересными его видеотрывками, а многочисленные сайты, работающие в жанре *explanatory journalism*, неоднократно разъяснят и переразъяснят смысл сказанного политиком. Во-вторых, сегодняшней адресант данного акта публичности изначально зафиксировывает условность (можно даже сказать — постановочность) ситуации с выступлением, так как в нынешних условиях любой политик мог бы донести свои мысли до любой аудитории (например, через тот же Твиттер или *self-tape*), распространив их в *YouTube* или *Facebook*. Почему же надо было собирать людей в зале? Или лететь в другой город и выступать перед людьми на площади, заставляя их стоять и слушать? Наконец, в-третьих, сам жанр подобного выступления с задействованием всей инфраструктуры для его организации, с одной стороны, и с пониманием возможности полу-

чения права (привилегированного доступа) самому быть в такой ситуации — с другой, значительно девальвирован в силу большой степени доступности самоорганизации овнешнения в этом жанре если не для каждого, но для многих: оказаться в роли выступающего перед «народом» (некой аудиторией) и получить профессиональную съемку этого события сегодня намного проще, чем когда бы то ни было. Соответственно адресат данного акта декодирует его в совершенно ином ключе, чем это предполагается практиками до-современного ПД; кроме того, если вдруг во время данного выступления произойдет нечто экстраординарное — кто-то упадет в обморок, сломается микрофон, через зал пройдет кошка и т.п., — можно быть уверенным, что это микрособытие, разойдясь на мэмы, перекроет по медийной значимости существенную часть всего мероприятия.

Подобных примеров с несоответствием конвенционально закрепленной иллюкутивной цели актора ПД и реального перлокутивного результата в современной политической жизни более чем достаточно — она изобилует ими. Политически безупречная и мастерски оформленная с точки зрения художественности речь кандидата в президенты какой-либо страны по поводу, скажем, недопустимости расовой сегрегации может значительно уступить в степени событийной важности (и электоральному рейтингу) какому-нибудь оригинальному селфи (шутке, мэму, небольшому инциденту и др.) другого кандидата, так и не обозначившего свои взгляды на эту важную для страны проблему. Или эффективные, но очень общие по содержанию слоганы, не подкрепляемые осуществимой программой (*Другая Европа с Ципрасом, Время изменить Рим, Сделаем Америку вновь великой* и др.), могут привлечь большую массу избирателей, чем глубоко продуманные и классические по форме политические лозунги опытных политиков — вот типичная картина сегодняшней политической действительности. В условиях «безразличия к содержанию» (Бодрийяр), обесценивания и смешения смыслов существенные характеристики политиков и их действия, демонстрируемые в ПД, очевидно девальвируются, а взамен обретает иную, гораздо большую ценность инструментарий популизма — инструментарий, позволяющий в условиях упраздненности всевозможных цензов транслировать любые смыслы в публичном пространстве в качестве политически значимых. И на этом фоне простые и несложные для интерпретации и понимания действия — пусть и не очень искушенных в политике публичных деятелей — действительно могут с успехом заполнить «святое место» субполюса политических и общественно значимых интеракций.

5

Таким образом, основной вопрос, который формулируется в контексте вышесказанного: в чем причина и каков генезис наблюдаемых метаморфоз в политическом бытии современных обществ? — на наш взгляд, может иметь следующие два ответа, который мы попытались обосновать в этой статье: **а) кардинальное изменение системы и правил взаимодействия в публичном пространстве** в силу наступления

определенных состояний современных обществ, в результате чего ПД претерпел существенные изменения; и б) наблюдаемый в наши дни **конфликт интерпретаций** (Рикер), или **перманентная неадекватность семиозиса**, происходящего в процессе политической коммуникации в современном развитом обществе. Иными словами, непонимание обществом/электоратом *традиционных* смыслов ПД, транслируемых *профессиональными политиками*, со всеми вытекающими из этого последствиями. В терминах прагматики это означает, что высказывания, продуцируемые политиками в рамках ПД, по тем или иным причинам утратили иллюкутивные функции и не приводят к конвенционально ожидаемым результатам. По сути — это разрушение традиционных конвенций относительно знаков «языка» политики в частности и смыслов политических интеракций в целом. При этом, что очень важно, в полной мере может идти речь о разрушении значительного числа конвенций *относительно смыслов социальных интеракций вообще*; именно поэтому роль коммуникативных аспектов в кардинальных переменах ПД и — шире — политического бытия современного развитого общества видится нам ключевой. Ведь представленные выше проблемы, связанные, по сути, с *пониманием* в публичном дискурсе, оказывают существенное воздействие на ключевые для социологии и политологии институты, дефиниции которых представляют коммуникацию (и ее ожидаемый результат — *понимание*) в качестве базового конституирующего элемента взаимоотношений индивидов внутри общества, как и существования самого общества. Правильное интерпретирование и понимание участниками социальной коммуникации субъективно подразумеваемых и одновременно конвенционально закрепленных в социальном узусе смыслов, выражаемых через действия, за которыми стоит ценностный выбор каждого члена общества, как в классической, так и в современной социологии постулируется в качестве залога существования общества как такового, так как оно не может существовать без интеракций (подразумевается — успешных в плане взаимопонимания), как и интеракция — без общества [24, с. 527]. Н. Луман утверждает:

Общество использует коммуникацию, и все, что ни приводило бы коммуникацию в действие, — есть общество. Общество конституирует элементарные единства (коммуникации), из которых состоит; и что бы ни было конституировано таким образом, становится обществом, становится моментом самого процесса конституирования [24, с. 540].

А. Т. Парсонс, комментируя постулаты Вебера, отмечает:

Правильная причинная интерпретация конкретного действия предполагает, что как внешний ход его, так и мотивы установлены правильно, а также что их связь друг с другом «*поддается пониманию*» (*understandable*) (курсив мой. — В. С.). Социальные отношения, следовательно, большей частью, а может быть, и исключительно заключаются в вероятности того, что при определенных обстоятельствах действия становятся предсказуемыми, независимо от того, на чем основана эта вероятность [29].

В свете сказанного заслуживает отдельного упоминания социологическая парадигма символического интеракционизма (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Блумер, И. Гофман). Напомним, что это одна из так называемых интерпретирующих микросоциологических парадигм, в которых поведение людей в обществе *par excellence* предстает как социальное действие, требующее коммуникации, интерпретации и взаимопонимания [37, с. 115]. Она основывается на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают общение, базирующееся на определенных социальных символах: языке, телодвижениях, жестах, культурных символах и т. д. Люди, согласно Дж. Миду (американскому социологу, одному из основателей данной школы), не реагируют на внешний мир и других людей непосредственно, а осмысливают реальность в неких символах и, соответственно, продуцируют эти символы в ходе общения. Само существование общества сводится в этой парадигме к совокупности процессов коммуникации и обмена информацией, формирующих необходимую для совместной деятельности «общую собственность» всех людей — более или менее *одинаково понимаемые* цели, взгляды, ожидания и т. п. [10, с. 8].

В этой связи Е. Н. Шульга отмечает:

Символический интеракционизм выдвигает идею, согласно которой социальный мир людей может быть представлен как бесконечное множество разнообразных символов. Символы придают значимость человеческой жизни и создают тем самым основу для интеракции — взаимодействия людей друг с другом в процессе коммуникации. Но символ не просто обозначает какой-то предмет или событие. Символ описывает эти события особым образом — он опосредует и одновременно определяет реакцию на него. Это направляет восприятие человека на постижение значений тех общепринятых символов, которые обеспечивают интеракцию. Для осуществления интеракции каждый, кто вовлечен в коммуникативный процесс, должен распознавать и одновременно интерпретировать намерения других людей. Такой процесс обеспечивается благодаря «принятию роли», которая примиряет одного человека с другим в процессе общения; и эти роли могут меняться местами в процессе коммуникации [37, с. 114–115].

Эта идея, лежащая в основе парадигмы символического интеракционизма, достойна отдельного, более подробного исследования: представляется очевидным, что с учетом сегодняшних реалий она приобрела намного большую ценность, чем в период своего зарождения — в 20–30-х годах XX века.

Без определенного контекста (который, надеемся, нам удалось обозначить выше), ключевое значение феномена *понимания* в функционировании общества и продуцировании ПД может показаться тривиальным и самоочевидным. Разумеется, функционирование общества неразрывно связано с пониманием смыслов социального действия и стандартизации поведенческих моделей индивидов в обществе. Именно коммуникация и ее ожидаемый продукт — понимание — создают

интерпретацию, или толкование, поведения Других в обществе, что порождает феномен социального действия в его разновидностях: в нормативных действиях, которые полностью основаны на принятых нормах/конвенциях (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Ю. Хабермас); в драматургических действиях, в основе которых лежит самовыражение/самопрезентация человека, предполагающее понимание членами общества соответствующей воле актора идентификации его личности (И. Гофман); и тем более — в коммуникативных действиях, базирующихся на взаимодействии как минимум двух субъектов, которые стремятся к взаимопониманию и достижению согласия по поводу самой ситуации действия (Дж. Мид, Ч. Кули, Г. Гарфинкель). Именно аспект успешной коммуникации и понимания, по сути, лежит в основе *логического действия*, представленного В. Парето: «...Мы будем называть “логическими действиями” операции, которые логически соединены со своей целью не только по отношению к субъекту, выполняющему эти операции, но и для тех, кто обладает более широкими познаниями» [28]; то есть те действия индивида, смысл которых может быть однозначно интерпретирован и понят любым внешним наблюдателем и адресатом. Однако тривиальность и самоочевидность феномена понимания как ключевого аспекта социальных интеракций базируется прежде всего на ранее невыблемой данности о существовании конвенций, совместных смыслов, из которых состоит общий «жизненный мир» людей. Но дело именно в том, что столь необходимая для успешной коммуникации в обществе система совместных смыслов, как видим, подверглась серьезным изменениям. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что разные части общества — в зависимости от степени вовлеченности их представителей в деятельность в публичной сфере с использованием современных инструментов и каналов коммуникации — с каждым днем все больше увеличивают интерпретационный разрыв между смыслами, которые должны были быть общими при осуществлении публичных интеракций. Взаимодействуя в публичном пространстве, они действуют как бы в параллельных мирах и могут рассчитывать лишь на относительное взаимопонимание.

В завершение хотелось бы в двух словах обозначить перспективы дальнейшего исследования затронутых вопросов. На наш взгляд, для выявления наиболее полной картины произошедших метаморфоз и понимания их генезиса следует обратить более пристальное внимание на особенности когнитивного механизма политического дискурса с демонстрацией тех критических воздействий, которым подвергся в этом плане ПД за прошедшее десятилетие и вследствие которых обрел дефиниции, значительно отличающие современный ПД от ПД предыдущего периода. Кроме того, одной из важных задач нам представляется демонстрация находящегося в процессе оформления *изомор-*

физма семиотических систем политики/власти и массовой культуры, в результате чего референциональная пустота ПД стала заполняться референтами массовой культуры — еще один феномен, возникший за прошедшее десятилетие. Решение этих задач, как и исследование ряда принципиально новых явлений, связанных с электоральным поведением в современном обществе, очевидно имеют принципиально важное значение для современной политологии.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М., 1966.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.
3. Арендт Х. *Viva Activa*, или О деятельной жизни / пер. В. В. Бибихина. М., 2017.
4. Ачкасов В. А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №3. С. 145 — 149.
5. Баранов Н. А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестник СПбГУ. 2015. №3. С. 25 — 36.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995.
7. Бершидский Л. Популистская революция в Европе? Пока еще нет // Bloomberg View. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-11-14/europe-won-t-see-a-populist-trump-like-revolution-just-yet> (дата обращения: 22.12.2017).
8. Варенцова О. В. Три волны популизма в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №6. С. 153 — 160.
9. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М., 2011.
10. Гофман И. Г. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М., 2000.
11. Громыко Ал. А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. №6. С. 5 — 10.
12. Дейк ван Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина. М., 2013.
13. Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 189 — 191.
14. Желтов М. Сложный выбор между евроскептиками, борцами за права животных и сторонниками Эрдогана // ИзбирКом. URL: <http://izbircom.com/2017/04/04/нидерланды-сложный-выбор-между-еврос/> (дата обращения: 22.12.2017).
15. Зегерт Д. Трансформация и развитие партий в Восточной Европе после завершения переходного десятилетия // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства : сб. ст. / ред.-сост. Е. Ю. Мелешкина, Г. М. Михайлова. М., 2009. С. 32.
16. Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.
17. Золян С. Т. Семиотика и прагмасемантика политического дискурса // Политическая наука. 2016. №3. С. 47 — 77.

18. Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. 2002. №3. С. 11 – 12.
19. Карцев Д. Больше, чем партия. Что показали выборы в Голландии // Московский Центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68321> (дата обращения: 22.12.2017).
20. Кравченко Е.И. Теория социального действия: от Вебера к феноменологам // Портал Наука – Интернет России. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-01krav.html> (дата обращения: 22.12.2017).
21. Кузнецова Е., Химшиашвили П. Эксперты Кремля предсказали рост популизма в России по западной модели // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/24/04/2017/58fcb959a7947263bd9d666?from=main> (дата обращения: 22.12.2017).
22. Лапшин А.О. О новом популизме и глобализации (несколько замечаний) // Власть. 2017. №04. С. 16.
23. Лотман Ю.М. Звонячи в прагматическую славу // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 107 – 110.
24. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007. С. 527 – 541.
25. Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2014.
26. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. М., 2015.
27. Нестеров А.Г. Движение «Пяти звезд» как феномен «протестной партии» в Италии XXI века // Научный диалог. 2016. №11 (59). С. 290 – 303.
28. Парето В. Логика иррационального. URL: http://lawbooks.news/sotsiologiya_910_912/vilfredo-pareto-logika-33494.html (дата обращения: 22.12.2017).
29. Парсонс Т. О структуре социального действия // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/03.php (дата обращения: 22.12.2017).
30. Согомоян В.Э. К определению понятия «публичность власти» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №4 (13). С. 98 – 105.
31. Согомоян В.Э. Публичность власти: определения понятия и типология форм/видов // Закон и жизнь. 2013. №10 (262). С. 59 – 62.
32. Согомоян В.Э. Метаморфозы коммуникации в публичном дискурсе // Политическая наука. №3: Политическая семиотика. М., 2016. С. 137 – 151.
33. Строганова А. Костюмы и голограммы: чем запомнится предвыборная кампания во Франции // Международное французское радио RFI. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170416-chem-zapomnitsya-predvybornaya-kampaniya-vo-frantsii> (дата обращения: 22.12.2017).
34. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
35. Фуко М. Археология знания / пер. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб., 2004.
36. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М., 1996.
37. Шюльга Е.Н. Символический интеракционизм и проблема понимания // Философия науки. Вып. 17. М., 2012. С. 113 – 127.
38. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.
39. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016.
40. Global Trends: The Paradox of Progress // DNI. URL: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> and <https://www.dni.gov/index.php/global-trends/the-future-summarized> (дата обращения: 22.12.2017).
41. Laclau E. On populist reason. L., 2005.
42. Laclau E. The Rhetorical Foundations of Society. L. ; N. Y., 2014.
43. Levitsky S., Loxton J. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes // Democratization. 2012. №20 (1). P. 107 – 136.

44. Searle J. The Construction of Social Reality. N. Y., 1995.
45. Witte G., Beck L. Austria turns sharply to the right in an election shaped by immigration // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/austrian-election-yields-a-hard-right-turn-as-conservative-and-nationalist-parties-gain/2017/10/15/d1dce850-ad22-11e7-9b93-b97043e57a22_story.html?utm_term=.e00d43a494b5 (дата обращения: 22.12.2017).
46. Weyland K. The Threat From the Populist Left // Journal of Democracy. 2013. № 24 (3). P. 18 – 32.

Об авторе

Согомонян Виктор Эрнестович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, руководитель канцелярии экс-президента РА, старший научный сотрудник, Институт философии, социологии и права НАН, Армения.

E-mail: victorsoghomonyan@gmail.com

Для цитирования:

Согомонян В. Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 9, № 1. С. 50 – 76. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5.

TRANSFORMATIONS IN THE COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF POLITICAL DISCOURSE IN THE CURRENT INFORMATION SPACE

V. E. Soghomonyan¹

¹ Institute of Philosophy, Sociology, and Law, National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St, Yerevan, 0010, Armenia
Submitted November 08, 2017
doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5

The article analyses the main causes and the genesis of transformations in political discourse (PD) and provides a comparative analysis of the present and earlier forms of PD. The author examines the ontology and principal characteristics of PD, describes the state of political discourse prior to its current transformation and identifies the key problems and actual results of political communication in modern society. Considering the rise of populism, the author stresses that the current problems stem from changes in communicative interactions caused by the emergence of new information technologies. Special emphasis is placed on the formation of public space as the only realm where political discourse is produced legitimately. Another focus is the current 'conflict of interpretations' in regard to the markers and symbols of political language. To identify the metamorphoses of PD and to understand their genesis, the author investigates the main features of and transformations in the cognitive mechanism of PD and traces the emergence of the isomorphism of semiotic systems characteristic of politics/authorities and mass culture. These processes cause the semantic space of PD to embrace mass culture referents.

Key words: political discourse, political language, populism, transformations in public communication, meaning formation in political discourse, political semantemes, uncontrolled information updates, culture of highlights.

References

1. Apresyan, Yu. D., 1966. *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistikii (kratkii ocherk)* [Ideas and methods of modern structural linguistics (short essay)]. Moscow. pp. 253–254.
2. Arutyunova, N. D., 1976. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning: logic-semantic problems]. Moscow. pp. 357–370.
3. Arendt, Kh., 2017. *Viva Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [Viva Activa, or About active life]. Moscow. pp. 55–66.
4. Achkasov, V. A., 2011. National populism in post-communist countries of Central and Eastern Europe: reasons for the growth of electoral support. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 3, pp. 145–149.
5. Baranov, N. A., 2015. Revival of populism: European experience and Russian practices. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of SPSU], 3, pp. 25–36.
6. Berger, P., Lukman, T., 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow. pp. 20–66.
7. Bershidskii, L., 2016. *Populistskaya revolyutsiya v Evrope? Poka eshche net.* [Populist revolution in Europe? Not yet]. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-11-14/europe-won-t-see-a-populist-trump-like-revolution-just-yet> [Accessed 22 December 2017].
8. Varentsova, O. V., 2014. Three waves of populism in Latin America. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 6, pp. 153–160.
9. Giddens, E., 2011. *Posledstviya sovremenности* [Consequences of modernity]. Moscow. pp. 116–117.
10. Gofman, I. G., 2000. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [Introducing yourself to others in everyday life]. Moscow. pp. 5–8.
11. Gromyko, A. A., 2016. "New populism" and the formation of a post-bipolar world order. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 6, pp. 5–10.
12. Deik, T. van, 2013. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of language dominance and communication]. Moscow. p. 31.
13. Dem'yankov, V. Z., 1996. Frame Semantics. In: E. S. Kubryakova et al., eds. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow. pp. 189–191.
14. Zheltov, M., 2017. *Slozhnyi vybor mezhdru evroskeptikami, bortsami za prava zhivotnykh i storonnikami Erdogana* [A difficult choice between Eurosceptics, animal rights activists and supporters of Erdogan]. Available at: <http://izbircom.com/2017/04/04/niderlandy-slozhnyi-vybor-mezhdru-evros/> [Accessed 22 December 2017].
15. Zegert, D., 2009. Transformation and development of the party in Eastern Europe after the end of the transitional decade. In: E. Yu. Meleshkina and G. M. Mikhailova, eds. *Politicheskaya konkurentsia i partii v gosudarstvakh postsovetskogo prostranstva* [Political competition and parties in the states of the post-Soviet space]. Moscow. p. 32.
16. Zolyan, S. T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. Moscow. pp. 42–43.
17. Zolyan, S. T., 2016. Semiotics and pragmasemantics of political discourse. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 47–77.
18. Il'in, M. V., 2002. Political discourse as a subject of analysis. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 11–12.
19. Kartsev, D. *Bol'she, chem partiya. Chto pokazali vybory v Gollandii* [More than a party. What the elections in Holland showed]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68321> [Accessed 22 December 2017].

20. Kravchenko, E.I. *Teoriya sotsial'nogo deistviya ot Vebera k fenomenologam* [Theory of social action from Weber to phenomenologists]. Available at: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-01krav.html> sait [Accessed 22 December 2017].

21. Kuznetsova, E., Khimshiashvili, P. *Ekspery Kremlya predskazali rost populizma v Rossii po zapadnoi modeli* [Kremlin experts predicted the growth of populism in Russia by the Western model]. Available at: <http://www.rbc.ru/politics/24/04/2017/58fccb959a7947263bd9d666?from=main> [Accessed 22 December 2017].

22. Lapshin, A.O., 2017. On a new populism and globalization (a few comments). *Zhurnal Vlast'* [Journal Power], 4, p. 16.

23. Lotman, Yu. M., 1992. *Zvonyachi v pradʹdnyuyu slavu*. In: Yu. M. Lotman *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 2. Tallinn. pp. 107–110.

24. Luman, N., 2007. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [Social systems. Essay on general theory]. St. Petersburg. pp. 527–541.

25. Maklyuen, M., 2014. *Ponimanie media* [Understanding Media]. Moscow. pp. 24–27.

26. Maklyuen, M., 2015. *Galaktika Gutenberga* [The Gutenberg Galaxy]. Moscow. pp. 207–211.

27. Nesterov, A.G., 2016. The "Five Stars" Movement as a phenomenon of the "protest party" in Italy of XIII century. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 11(59), pp. 290–303.

28. Pareto, V. *Logika irratsional'nogo* [The logic of the irrational]. Available at: http://lawbooks.news/sotsiologiya_910_912/vilfredo-pareto-logika-33494.html [Accessed 22 December 2017].

29. Parsons, T. *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action]. Available at: http://www.gumer.in-fo/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/03.php [Accessed 22 December 2017].

30. Sogomonyan, V.E., 2010. To the definition of the concept of "public power". *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 4(13), pp. 98–105.

31. Sogomonyan, V.E., 2013. Publicity of authority: definition of the concept and typology of forms / species. *Zakon i zhizn'* [Law and Life], 10(262), pp. 59–62.

32. Sogomonyan, V.E., 2016. Metamorphosis of communication in the public discourse. *Politicheskaya nauka* [Political science], 3, pp. 137–151.

33. Stroganova, A. *Kostyummy i gologrammy: chem zapomnitsya predvybornaya kampaniya vo Frantsii* [Costumes and holograms: what will be remembered pre-election campaign in France]. Available at: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20170416-chem-zapomnitsya-predvybornaya-kampaniya-vo-frantsii> [Accessed 22 December 2017].

34. Frezer, Dzh. Dzh., 1980. *Zolotaya vetv'* [Golden branch]. Moscow. p. 72.

35. Fuko, M., 2004. *Arkhologiiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg. pp. 113–115.

36. Fuko, M., 1996. *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth. On the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow. p. 21.

37. Shul'ga, E.N., 2012. Symbolic interactionism and the problem of understanding. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 17, pp. 113–127.

38. Shchyuts, A., 2004. *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: a world shining with meaning]. Moscow. pp. 499–517.

39. Eko, U., 2016. *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the tree to the labyrinth. Historical research of the sign and interpretation]. Moscow. p. 466.

40. *Global Trends: The Paradox of Progress*. Available at: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> and <https://www.dni.gov/index.php/global-trends/the-future-summarized> [Accessed 22 December 2017].

41. Laclau, E., 2005. *On populist reason*. London. p. 72.

42. Laclau, E., 2014. *The Rhetorical Foundations of Society*. London, New York. p. 158.
43. Levitsky, S., Loxton, J., 2012. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. *Democratization*, 20(1), pp. 107–136.
44. Searle, J., 1995. *The Construction of Social Reality*. New York. p. 8.
45. Witte, G., Beck, L. *Austria turns sharply to the right in an election shaped by immigration*. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/europe/austrian-election-yields-a-hard-right-turn-as-conservative-and-nationalist-parties-gain/2017/10/15/d1dce850-ad22-11e7-9b93-b97043e57a22_story.html?utm_term=.e00d43a494b5 [Accessed 22 December 2017].
46. Weyland, K., 2013. The Threat from the Populist Left. *Journal of Democracy*, 24(3), pp. 18–32.

The author

Prof Viktor E. Soghomonyan, Head of the Office of the ex-President of the Republic of Armenia; Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Sociology, and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: victorsoghomonyan@gmail.com

To cite this article:

Soghomonyan V. E. 2018, Transformations in the Communicative Characteristics of Political Discourse in the Current Information Space, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 1, p. 50–76. doi: 10.5922/2225-5346-2018-1-5.